

Литература вопроса и примѣчанія къ статьѣ „религіозная вѣра, какъ біогенетическій принципъ въ психологіи“.

Къ § I.—Общія курсы психологіи послѣдняго времени, особенно нѣмецкіе,—каковы, наприм, курсы: *Фолькмана-фонъ-Фолькмара* (Lehrbuch der Psychologie vom Standpunkte des Realismus von Ph. Dr. Wilhelm Volkmann Ritter von Volkmar), *Кюльне* (Grundriss der Psychologie, von Oswald Külpe, Lpz 1893), *Ремке* (Lehrbuch der allgemeinen Psychologie, von Dr. Johannes Rehnke, Hamburg und Leipzig, 1894), *Йодля* (Lehrbuch der Psychologie von Friedrich Iodl, Stuttgart, 1896), *Крамара* (Die Hypothese der Seele, ihre Begründung und metaphysische Bedeutung von Udalich Kramar. Lpz., 1898—два громадныхъ тома) и др.,—какъ будто намѣренно и систематически обходятъ вопросъ о природѣ религіознаго сознанія. Развѣ лишь въ психологіи чувствованій удѣляется иногда двѣ-три страницы вопросу о чувствованіяхъ религіозныхъ (такъ у *Фолькмана*, В. II. Ss. 368—372. по четв изд 1895 г.). Въ англійскихъ курсахъ психологіи (*Стаута Боолдуина* и др.) кое-что можно встрѣтить; но, въ большинствѣ случаевъ, въ нихъ говорится о вѣрѣ не въ специально-религіозномъ, а въ общепсихологическомъ смыслѣ,—то-есть въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ о ней говорили и старые англійскіе психологи (*Джемсъ Милль*, *Бэнъ* и др.,—смъ объ нихъ, въ отношеніи къ нашему вопросу, статью въ *Русскомъ Богатствѣ*, за 1883 г, г. Л. „Генезисъ вѣры по изслѣдованію англійскихъ психологовъ“) Поэтому, старые нѣмецкіе психологи теистическаго направленія: *Ульрици* и *Фихте jun*, все еще сохраняютъ въ данномъ отношеніи свое первенствующее значеніе

Несравненно бблѣшій интересъ представляютъ для насъ время отъ времени появляющіеся на Западѣ курсы *Философіи религіи*, а равно и спеціальныя монографіи по психологіи вѣры. Отмѣтимъ здѣсь нѣсколько произведеній этого рода, имѣющихъ наиболѣе выдающееся значеніе:

1 *Dr Hermann Stebeck*, Prof der Phil. in Giessen: Lehrbuch der Religionsphilosophie, Lpz. 1893 (изъ серіи богословскихъ учебниковъ—*Sammlung theologischer Lehrbücher*). Точка зрѣнія автора опредѣляется двумя тенденціями. *морализмомъ* н—*эволюціонизмомъ* Религіозная вѣра на чисто теоретической точкѣ зрѣнія *недоказуема*, но и *неопровержима*: поэтому, она—*актъ свободнаго признанія* Ея существенное содержаніе опредѣляется идеєю *добра*, которая на различныхъ ступеняхъ культуры и въ прямомъ

зависимости отъ нея, понимается различно—все ясное и ясное. Такимъ образомъ, *религіозная истина относительна*. Однако, ея основныя положенія—понятіе о Богѣ, ученіе о цѣлесообразности, свободѣ воли, назначеніи человѣка, злѣ (теодицея)—допускаютъ научное оправданіе (см вторую часть—*Истинность религіи*)—По нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ (напримъ, по вопросу объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ см. ниже) Зибекъ даетъ иногда цѣнныя разъясненія. Но его основная точка зрѣнія, опредѣляемая ученіемъ объ относительности и подвижности религіозной истины,—не наша: мы думаемъ, что зерно „естественнаго откровенія“ неподвижно и неизмѣнно, ибо заложено въ основной организаціи нашего духа.

2 *Rauenhoff*, Prof. in Leiden, übers. von *Hanne*, Braunschweig, 1894. На голландскомъ язъ книга имѣла большой успѣхъ. Сочувственно отмѣчена она и нѣмецкою критикою. Книга дѣйствительно представляетъ въ частностяхъ много цѣннаго; но ея основная точка зрѣнія еще менѣе наша, чѣмъ точка зрѣнія Зибекъ. Рауенгофъ — *новокантіанецъ* богословской формы (почему его книга одобрена богословомъ-неокантіанцемъ *Linsley* и, напротивъ, встрѣтила возраженіе со стороны извѣстнаго *Пфлейдерера*—см. предисл. перев.) — Религіозная вѣра, по Рауенгофу, есть *поступленіе* нравственнаго сознанія и содержаніе ея научно недоказуемо. Поэтому, собственно можно говорить лишь о религіозномъ *міросозерцаніи*, но не о вѣрѣ въ Бога, такъ какъ самое бытіе Его—проблема. Формы религіознаго сознанія суть *продуктъ творчества* и совершенно относительны. Какъ у всѣхъ *новокантіанцевъ*, у Рауенгофа съ особою яркостію выставлена связь религіознаго сознанія съ нравственнымъ и въ этомъ главное значеніе его книги для нашего изслѣдованія. Не лишены также интереса главы: *объ интеллектуализмѣ, мистицизмѣ, морализмѣ*.

3 *Gustav Vorbrodt*: Psychologie des Glaubens, zugleich ein Appel an die Verächter des Christenthums unter den wissenschaftlich interessirten Gebildeten Göttingen, 1895. XXX+257. Содержаніе и задача книги указаны уже самымъ ея заглавіемъ. Это—опытъ психологіи вѣры, составленный въ цѣляхъ *апологетическихъ*. Авторъ выступаетъ какъ-бы посредникомъ между библейско-богословскимъ ученіемъ о предметѣ и современнымъ научно-психологическимъ. Основное понятіе у него есть понятіе *вкусенія* (*Geniessen, Genuss*) *Бога*, реальнаго и опытнаго общенія съ нимъ—разумомъ, волею и чувствомъ.—Недостатокъ книги—перевѣсъ матеріала надъ выводами. Вслѣдствіе этого она болѣе пригодна для справокъ. Но за то въ этомъ отношеніи это едва-ли не лучшее пособіе къ изученію нашего вопроса: библиографическія указанія обильны и точны. Къ этой книгѣ отсылаемъ читателя для дополненія нашихъ указаній по литературѣ вопроса.

4 *Dr. Emil Koch*: Die Psychologie in der Religionswissenschaft, Lpz 1896 Ss. 146. Авторъ горячо протестуетъ противъ порабощенія психологіи отвлеченною философіею и въ частности—религіозной психологіи философіею религіи. Религіозная психологія должна имѣть *свои факты и законы*. Основной фактъ и вмѣстѣ законъ религіознаго сознанія есть *законъ безконечнаго*. Смутно таинственное безконечное сначала принимаетъ *конкретную форму* и *оживляется*—подъ влияніемъ опыта и силою размышленія.

а затѣмъ, сообразно опредѣляющемуся въ немъ, при этомъ условіи, достоинству и внутренней цѣнности, возводится на высоту Существа достопокланяемаго, Божества. Таковъ, по Коху, психологическій генезисъ религіозной вѣры. По своему основному содержанію, вѣра есть „облеченное въ форму конкретныхъ представленій сознание о безконечномъ, связанное съ чувствомъ возвышеннаго“ — ein vorstellungsmässiges Bewusstsein vom Unendlichen, verbunden mit dem Gefühl des Ehrhaften (S 129) — Небольшая книжка Коха дала автору настоящихъ строкъ нѣсколько плодотворныхъ умственныхъ импульсовъ,—особенно по вопросамъ: о *сужденіяхъ цѣнности* (Werthurtheile), въ ихъ отношеніи къ религіи, и—о *законѣ безконечнаго* (см. ниже)

5 Наконецъ, можно еще, пожалуй, отмѣтить книгу Генриха Буа—*Henri Bois, Prof de Théol. protest de Montauban: De la connaissance religieuse, essai critique sur des récentes discussions.* Paris 1894 Pp 363 Книга полемическая (противъ извѣстнаго *Сабатъ*). Этимъ объясняются ея достоинства но вмѣстѣ—и недостатки Умная полемика всегда обогащаетъ новыми мыслями (du choc des opinions jaillit la vérité)—особенно по вопросамъ тонкимъ, раздѣляющимъ людей, въ главномъ и существенномъ единомышленныхъ. Но, съ другой стороны, полемика, въ болѣе или меньшей степени, обыкновенно бываетъ окрашена и осложнена увлеченіями. Такъ и въ данномъ случаѣ. По вопросамъ, касающимся специальныхъ отдѣловъ религіозной психологіи (особенно по вопросамъ о взаимномъ отношеніи религіозной мысли къ религіозному чувству и религіозной волѣ), въ книгѣ Буа разбросано много, тонкихъ замѣчаній; но этотъ научный бисеръ не всегда легко извлечь изъ массы разъясненій, опредѣляемыхъ исключительно полемическими приемами

Въ дополненіе къ сдѣланному нами перечню, позволяемъ себѣ, наконецъ, рекомендовать наше собственное сочиненіе: „*Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія*, положительное рѣшеніе вопроса, въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи“. М 1891 465 стр Въ теченіе десяти лѣтъ, которые протекли со времени составленія этой книги, авторъ ея нѣсколько измѣнилъ свои взгляды на „положительное рѣшеніе вопроса“ Но историческая часть,—классификація основныхъ литературныхъ направленій въ новѣйшей исторіи вопроса,—по его мнѣнію, и теперь не требуютъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Впрочемъ, кто возьметъ на себя трудъ сравнить нашу настоящую монографію съ только-что указанною книгою, тотъ убѣдится, что и по существу наши взгляды не потерпѣли *существеннаго* измѣненія: они лишь формулированы теперь *рѣшительнѣе* и—смѣемъ думать—въ некоторыхъ пунктахъ *отчетливѣе*

Къ §§ II—IV.—По вопросу объ отношеніи вѣры и знанія съ *гносеологической точки зрѣнія* до сихъ поръ едва-ли не лучшимъ изслѣдованіемъ остается классическій трудъ *Ульрици*: Glauben und Wissen, Speculation und exacte Wissenschaft, zur Versöhnung des Zwiespaltes zwischen Religion, Philosophie und naturwissenschaftlicher Empirie, von *Hermann Ulrici* Lpz 1858. Въ этомъ сочиненіи (Cap 5, 1-ter Abschn., Cap. 1—2-ter Abschn.), равно какъ и въ цитированныхъ выше трудахъ *Зибек* (S 194 folg.) и *Кох* (S. 112. 118 und A.) авторъ настоящаго изслѣдова-

нія нашеть новое подтвержденіе своего тезиса объ основномъ *гносеологическомъ* различіи между вѣрою и знаніемъ, — тезиса, къ которому прежде (диссертация *Вѣра въ Бога* etc, отд. 1-й) онъ подходилъ съ другой стороны. Напротивъ, *Вундтъ*, въ своемъ капитальномъ трудѣ по Логикѣ (*Logik*, 2-se Auflage, Stuttgart, 1893, B I, S 422 str. 412—422), хотя и считаетъ вѣру такъ-же „дополненіемъ“ знанія, по—дополненіемъ лишь „по субъективному“, частіе нравственнымъ, мотивамъ: sein (вѣры) bleibendes Gebiet—пишетъ онъ—ist die Ueberzeugung von der sittlichen Bestimmung des Menschen, die auf einen transcendenten Weltzweck als Ergänzung der Sinnewelt hinweist (422).

Вопросъ объ отношеніи вѣры и знанія въ различныя историческія эпохи понимался различно,—въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ того, какъ понималось само знаніе Главные, исторически опредѣлившіеся, фазисы отношеній между вѣрою и знаніемъ рельефно намѣчены проф. *Линицимъ* въ его книгѣ. „*Пособіе къ изученію вопросовъ философіи* (элементы философскаго міросозерцанія“). Харьковъ. 1892 (первоначально—въ журналѣ: *Вѣра и Разумъ*) См особенно статьи: *Вѣра и знаніе, Чѣмъ различается вѣра отъ знанія, Какъ возможно единство вѣры и знанія?* Свой положительный взглядъ на отношеніе между вѣрою и знаніемъ почтенный профессоръ выражаетъ, между прочимъ, такъ: „Историческій опытъ“,—пишетъ онъ,—„ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что какъ вѣра религиозная имѣетъ свое особое, ей присущее значеніе, заключающееся въ томъ, что она служитъ необходимымъ органомъ *вѣчнаго* спасенія, устанавливая отношеніе конечныхъ существъ къ Безконечному, такъ равнымъ образомъ наука имѣетъ свое особое назначеніе—способствовать удовлетворенію *временныхъ* потребностей жизни, чрезъ установленіе правильныхъ отношеній человѣка по вѣмъ видамъ бытія *конечнаго* Поэтому, знаніе и вѣра, наука и религія не только не исключаютъ и не могутъ замѣнить одна другую, напротивъ, необходимы одна для другой, ибо чрезъ религиозную вѣру возвышается достоинство науки,—потребность знанія обращается въ безкорыстную и возвышенную любовь къ истинѣ: съ другой стороны, съ помощію науки углубляется и очищается религиозная вѣра, такъ что полнота истинно человѣческаго бытія, сопрягающаго *временное съ вѣчнымъ, человеческое съ божественнымъ*, возможна только при тѣсномъ союзѣ и взаимодействіи науки и религіи“. Стр 27 „Теперь въ томъ оказываются знаніе и вѣра противоположными, что понятія, входяція въ составъ знанія, суть понятія реальныя, имѣющія своимъ предметомъ дѣйствительность, напротивъ, понятія, принадлежація къ области вѣры, имѣютъ характеръ идеальный, далеко возвышаются надъ дѣйствительностію, познаваемою нами и имѣютъ преимущественно практическое значеніе, такъ какъ прямая цѣль ихъ заключается въ управленіи жизнью человѣка—частною и общественною; религиозныя убѣжденія должны служить главною пружиною всѣхъ дѣйствій человѣка: прямая цѣль религіи—созиданіе царства Божія на землѣ и руководство къ вѣчному спасенію Состоя въ связи съ познаніемъ, а съ другой стороны имѣя практической характеръ, вѣра есть, такимъ образомъ, принципъ *единства знанія и дѣла, науки и жизни*“ Стр 39—40

Наша схема (§ III) основныхъ типовъ конкретно-созерцательнаго опре-

дѣленія Безконечнаго (*Сила, Разумъ, Благо*), намѣченная нами уже и въ нашей диссертациі, приняла окончательную форму подъ вліяніемъ замѣчательной—къ сожалѣнію, мало оцѣненной—книги проф. *М. А. Остроумова*: „Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію, взглядъ на условія историческаго развитія философіи“ Харьковъ. 1886 Въ этой книгѣ—гл. IV, отд I—авторъ съ замѣчательною отчетливостію намѣчаетъ три основныя типа естественно-философской мысли: *космологическій, антропологическій, теологическій* Здѣсь болѣе, чѣмъ вѣдшее, совпаденіе съ нашей схемой. Вообще почитаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ съ чувствомъ глубокой благодарности упомянуть объ идеяхъ высокопочтеннаго автора названной книги, служившихъ для насъ источникомъ многообразныхъ духовныхъ возбужденій,—тѣмъ болѣе могущественныхъ, что они воспріяты въ дни юности.

Богатый матеріалъ для изученія отношенія къ нашему вопросу—сходство и различіе между вѣрою и знаніемъ, какъ гносеологическими состояніями (то-есть въ моментъ *увѣренности*)—св Писанія и о. Церкви собранъ въ книгѣ г. *Струнникова*: „Вѣра, какъ увѣренность по ученію Православія, изслѣдованіе по вопросу объ отношеніи вѣры и знанія“. Самара 1887. Къ сожалѣнію, авторъ поддерживаетъ въ своей книгѣ тезисъ крайній—совершенно *отожествляетъ* вѣру и знаніе Въ своей диссертациі (*Вѣра въ Бога*, стр 434—6, прим) мы—надѣемся—достаточно выяснили несостоятельность подобнаго отождествленія: „объемъ вѣры—писали мы тамъ (435)—шире; она захватываетъ болѣшій кругъ, идетъ дальше—въ область, въ которую знаніе за ней проникнуть не можетъ.“ Еще подробнѣе,—хотя и въ другомъ отношеніи,—односторонность изслѣдованія г. Струнникова указана покойнымъ *П. Е. Астафьевымъ*: „Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія, опытъ началъ критической монахологіи“. М. 1893 (главы VI — X — „Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ“) Въ отличіе отъ Струнникова, Астафьевъ настаиваетъ, во-первыхъ, на *свободновольевомъ* характерѣ вѣры („охотное согласіе“—стр 65) и, во-вторыхъ, на ея *субстанціальному* характерѣ, въ отличіе отъ *феноменальнаго* характера знанія Последнее различіе—особенно характерное для „міровоззрѣнія“ покойнаго Астафьева—отмѣчаетъ одно изъ самыхъ тонкихъ, доступныхъ весьма немногимъ умамъ, различій между вѣрою и знаніемъ и при томъ—какъ именно гносеологическими состояніями „Если есть вообще какое-либо непосредственное знаніе о субъектѣ“—принимаетъ авторъ (стр 88—90)—, то оно состоитъ лишь въ знаніи его о себѣ, какъ дѣятельномъ, успивающемся, напрягающемся. Какъ субъекта, т. е. субстанціально, знаетъ себя мыслящее существо лишь какъ дѣятельную волю Это—единственное знаніе и непосредственное, и субстанціальное, и всеобщее при всей своей индивидуальности Это же знаніе, по предмету и источнику субъективное, индивидуальное есть и единственное безусловно достовѣрное, недопускающее никакихъ сомнѣній и колебаній. Это—внутреннее, субъективное, индивидуальное и въ то же время всѣмъ познающимъ существамъ безъ различія равно данное, непосредственное и безусловно достовѣрное знаніе, не феноменальное, но субстанціальное Оно имѣетъ предметомъ своимъ какъ и всякая вѣра въ собственномъ смыслѣ (а не одна только вѣра религіозная), самого субъекта,—существо.

въ которое вѣрять, но не его вѣщныя отношенія, отдѣльныя проявленія, или ихъ являющийся порядокъ, какъ знаніе предметное. Если вѣра и выражается иногда въ увѣренности, что наступитъ такое то событіе, или извѣстное лицо поступитъ такъ, а не иначе, то въ основѣ этой увѣренности, касающейся міра вѣщныхъ явленій, всегда лежитъ увѣренность въ тѣхъ внутреннихъ свойствахъ производящихъ событія силъ или совершающаго поступокъ лица, которыя себя проявляютъ. Это всегда— въ концѣ концовъ—вѣра во внутреннее существо проявляющагося такъ или иначе субъекта, а не въ его вѣщное проявленіе, какъ такое, само по себѣ. И св. Писаніе, говоря о чудесахъ, какъ объ одномъ изъ средствъ, возбуждающихъ въ ихъ свидѣтеляхъ вѣру или подтверждающихъ эту вѣру, цѣлью совершенія чуда всегда представляетъ не усиленіе вѣры въ совершеніе какого-либо явленія самого по себѣ (хотя бы и очень желательнаго для нашихъ практическихъ нуждъ), но усиленіе вѣры въ Существо, совершающее чудо. И для св. Писанія, какъ и для естественнаго сознанія, вѣра относится не къ вѣщному явленію, но къ внутреннимъ свойствамъ проявляющагося существа,—она всегда субстанціальна. Оно и не можетъ быть иначе, если въ познаніи субъекта, какъ дѣятельной воли, состоитъ вообще все внутреннее, непосредственное знаніе наше о субъектахъ вообще. Феноменальное знаніе однихъ вѣщныхъ проявленій воли, какъ ни былъ бы длиненъ, колонъ и разнообразенъ рядъ этихъ проявленій и ихъ порядокъ,—никогда не даетъ знанія о самой дѣятельной волѣ, какъ такой “

Къ § V.—Вопросъ *объ отношеніи знанія (и вѣры) къ волѣ* много занималъ и занимаетъ французскихъ критиковъ (съ Ренувье во главѣ— см. объ этой школѣ нашу книгу „*Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи*“, Сергіевъ посадъ, 1894, отд. II). Тезисъ о вліяніи воли на вѣру и знаніе они развиваютъ съ такимъ увлеченіемъ, что иногда доходятъ уже до крайности, объявляя, что и вѣра и знаніе есть *дѣло воли*, субъективное порожденіе, такъ-что объективный или предметный элементъ вѣры и знанія почти уничтожается. Эта крайность конкретно проявляется во французской критической школѣ въ томъ, что *знаніе сводится къ вѣрѣ*, считается *актомъ вѣры*

Для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ вопроса объ отношеніи вѣры (и знанія) къ волѣ можно рекомендовать слѣдующія сочиненія:

1 *Ch. Renouvier: Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques.* Paris 1886 Vol II, *Sixième partie* (L'évidence: la croyance). Здѣсь Ренувье доказываетъ, что *реальность внѣшняго міра* покоится на вѣрѣ; что *самоподостоверность внутренняго опыта* покоится такъ-же на вѣрѣ, при чемъ тотъ фактъ, что здѣсь дѣло не рѣшается ссылкой на очевидность, свидѣлствуетъ, по Ренувье, о высотѣ нашего духа: далѣе—что законы логики (законы мышленія) и даже математики, въ концѣ концовъ, сводятся такъ-же къ вѣрѣ (еще Паскаль говорилъ: *le coeur sent, qu'il y a trois dimensions dans l'espace* и вообще сердце раздѣляетъ *математиковъ* точно такъ-же, какъ и всѣхъ остальныхъ смертныхъ!); выборъ метода (дедукція или индукція) опредѣляется опять-таки вѣрою и т. д и т. д. Словомъ вѣра (особенно въ формѣ привычки) проникаетъ во всѣ области теоретической жизни нашего сознанія. Но

гдѣ вѣра, тамъ и чувство, и страсть,—тамъ особенно *воля*. Вотъ почему въ вѣрѣ (а, слѣдовательно, и въ знаніи) всегда есть (и слѣдуетъ различить) намъ *данное* и даваемое, *ставимое нами самими*,—les idées et les affections, envisagées *passivement*, c'est-à-dire comme *des données* à la conscience, dans la conscience, et les actes d'adhésion, que la conscience donne, quand c'est avec réflexions, à tout ce qui n'avait jusque là pour elle qu'une valeur de suggestion (23—4) Здѣсь *актъ вѣры*—affirmation definitive et souveraine, assiette *volontairement* inébranlable de l'esprit.

2 *Claude Gayte*. Essai sur la croyance (thèse), étude de philosophie critique, Paris. 1883 Характеръ книги опредѣляется уже ея эпиграфомъ: *ἡ πίστις περὶ πιστοῦμεν, οὐ διὰ εἰδούς* (2 Кор. 5. 7). Основная мысль ея близка къ тезису *Астафьева*, приведенному нами выше: *вѣра есть высшее, достовернѣйшее* („субстанціальное“—по терминологіи *Астафьева*) *знаніе*. Вѣруя мы какъ-бы вносимъ въ объектъ часть своего существа, даже какъ-бы сами *перемѣщаемся* въ него, почему именно и знаемъ его *непосредственно и полно* (40—1) Увѣренность въ бытіи предмета *творимъ* мы сами (125). Въ Бога мы вѣруемъ потому, что *всѣмъ существомъ хотимъ* богоподобной жизни, — хотимъ истины, правды, блаженства Невѣріе и скептицизмъ есть, поэтому, прежде всего слабость воли (105).

3 Тезисъ *Claude'a Gayte* съ большимъ сочувствіемъ отмѣченъ *Victor'омъ Brochard'омъ* въ его монографіи: *De la croyance* (Revue Philos. 1884. t. XVIII p. 1—23), которая и сама по себѣ—не смотря на краткость—представляетъ научный интересъ Вѣра, по *Брошару*, есть *родъ*, а достоверность (certitude) — *видъ* „Не очевидность критеріи достоверности, но достоверность — критеріи очевидности“ (5) Эти два слова, говоря иначе, выражаютъ одно и тоже, — только одно съ объективной стороны, а другое съ субъективной Это—понятія соотносительныя и одно безъ другаго немислимы Поэтому, выраженіе: „субъективная достоверность“ страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ (6—7). Истина всегда идеаль и—*дѣло доброй воли* (11—12). Судить значить вѣрить, а вѣрить—желать. Такъ думали уже стоики, а за ними: Декартъ, Мальбраншъ, Спиноза (14) Даже въ такихъ положеніяхъ, какъ $2 \times 2 = 4$, участвуетъ воля,—по меньшей мѣрѣ, какъ вершитель, который произноситъ свое властное: *fiat* (15—19) Вообще, *πᾶσι λόγῳ, λόγος ἀντικείμεται*—Какъ противобѣсъ взгляду *Брошара* слѣдуетъ отмѣтить статью знаменитаго психолога *Rivaie*, въ томъ-же томѣ *Revue Philos* (pp 675—684). понятіе о волѣ научно еще не установлено, а посему и тезисъ *Брошара* о вѣрѣ, какъ актѣ воли, не представляетъ-де интереса: вмѣсто того, чтобы вставлять волю *ездѣ*, ей, говоря строго, не слѣдовало-бы оставлять мѣста *нигдѣ*.

4 *Léon Ollé-Laprune*: De la certitude morale Paris 1880. Pp. V+422. По умѣренности тона, по простотѣ и ясности изложенія, наконецъ, по исчерпывающей полнотѣ это едва-ли не лучшая книга въ области нашего вопроса (обоснованіе тезиса о волѣ въ вѣрѣ) Воля участвуетъ преимущественно въ познаніи истинъ *порядка нравственнаго* (71—2), посему—и въ вѣрѣ Точка зрѣнія автора *критико-теологическая* (50). Заслуживаютъ вниманія въ книгѣ такъ-же и обильныя замѣчанія историко-терминологическаго характера (наприм о fides и πίστις—стр 216—218) Вообще.

книгу можно смѣло рекомендовать вниманію читателя. Есть второе изд.
5. *Жюль Лейо*: О вѣрованіи, популярно-философскіе очерки, перев. съ фр. Спб. 1897. Стр. 168. Книжка носитъ печать той-же школы, то-есть, возвышаетъ активность въ вѣрѣ. Написана легко и иллюстрирована массою примѣровъ, облегчающихъ пониманіе и усвоеніе тезисовъ автора.

Къ § VI.—Литература вопроса о свободѣ воли, какъ извѣстно, почти безгранична. Здѣсь досаточно, однако, указать лишь тѣ сочиненія, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему спеціальному вопросу („свобода воли и религиозная вѣра“) и которыя, при томъ, такъ или иначе, положительно или отрицательно, связаны съ предложеннымъ нами рѣшеніемъ этого вопроса. Таковы: 1) *Вл. Соловьевъ*: Оправданіе добра. Спб. 1877 (Особенно стр. 26—33); 2) *Геромонахъ (нынѣ епископъ) Антоній*: „Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности“, Спб. 1888, изд. 2-е; 3) *Der christliche Glaube und die menschliche Freiheit* (безъ имени), Gotha 1881; 4) *Gustav Hüpeden*: Die menschliche Freiheit und ihre Beziehung zum christlichen Glaube, Lpz. 1889; 5) *Heinrich Kahnis*: Die natürliche Freiheit des Menschen, ein Beitrag zur Kritik des modernen Determinismus Lpz. 1895; 6) *Momad*, Prof. a. d. Un. Christiania (съ норвежскаго): Die menschliche Willensfreiheit und das Böse, übers. von *Harling* Lpz. 1898.

Къ § VII.—Въ предложенномъ нами разъясненіи понятія о нравственномъ законѣ мы придаемъ особенное значеніе понятію *постулативной всеобщности*. По нашему убѣжденію, лишь это понятіе можетъ дать твердую точку опоры для выхода изъ чрезвычайно трудной *aporii*, которая создается для мысли при сопоставленіи понятія о всеобщности нравственнаго закона съ тѣми отрицательными инстанціями, о которыхъ свидѣлствуютъ этнографія и исторія. Въ виду этихъ послѣднихъ (отриц. инстанцій) за послѣднее время (*даже въ богословскихъ изслѣдованіяхъ*) нерѣдкость встрѣтить сдержанное, если не прямо отрицательное, отношеніе какъ къ ученію о врожденныхъ идеяхъ вообще, такъ и къ ученію о врожденности челоуку нравственнаго закона въ частности. Покойный проф. *В. Д. Кудрявцевъ*, въ интересахъ обоснованія теоріи, составляющей главную оригинальность и зерно всей его философіи—объ особенномъ органѣ религиознаго сознанія—подвергалъ серьезной критикѣ традиціонную теорію „прирожденныхъ идей“. Подъ вліяніемъ его авторитета, его ученики, но такъ-же и авторы, не стоявшіе къ нему въ непосредственномъ отношеніи учениковъ къ учителю, прошли еще дальше и, тогда какъ онъ, возставалъ лишь противъ крайностей теоріи,—они стали отрицать и самое ея зерно. По нашему мнѣнію это теченіе новѣйшей богословской мысли совсѣмъ не отвѣчаетъ ея существу и задачамъ, какъ именно науки богословской, а въ дальнѣйшемъ можетъ дать и прямо вредные плоды. православное богословіе никакъ не можетъ и не должно смотрѣть на челоуческій духъ какъ на *tabula rasa*. Наши старые мыслители, философы и богословы, были въ данномъ отношеніи гораздо дальновиднѣе и осторожнѣе. Такъ профессоръ-протоіерей *Ѳ. А. Голубинскій* всегда настаивалъ на томъ положеніи—одномъ изъ основныхъ положеній его философіи—что, хотя у некоторыхъ людей и

даже народовъ и замѣчается (кажущееся) отсутствіе нѣкоторыхъ врожденныхъ началъ: логическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ, однако, если поставить ихъ въ нормально-правильныя условія сознательно-духовной жизни, эти минимом-отсутствующія врожденные начала оживутъ въ нихъ снова. На этой почвѣ до самаго послѣдняго времени стоитъ даже и протестанское (ортодоксальное) богословіе (см., напримъ, относительно нашего вопроса, то-есть о врожденности нравственныхъ началъ жизни въ Христіанской этикѣ Германа Вейса: *Hermann Weiss. Prof in Tübingen: Einleitung in die Christliche Ethik, Freiburg, 1889*—изъ *Sammlung theologischer Lehrbücher, Ss 210—232*)—Лучшее—по ясности и непосредственной убѣдительности—толкованіе классической теоріи Лейбница, по нашему мнѣнію, дано Кузеномъ (см., въ краткомъ изложеніи, въ нашемъ *Очеркѣ современной французской философіи*).—Отмѣтимъ еще весьма поучительный сборникъ изрѣченій, изъ классическихъ авторовъ древности,—изрѣченій свидѣтельствующихъ о „постулятивной всеобщности“ (въ разъясненномъ нами смыслѣ) требованій нравственно-религіознаго сознанія—*Schneider: Christliche Klänge aus den griechischen und römischen Klassikern. eine Sammlung aus den Quellen im Anschluss an den Catechismus und die bezüglichlichen Bibelsprüche für Gebildete und höhere Lehranstalten. Gotha. 1865* Повторяемъ. песьма поучительная книга! Всѣ заповѣди Десятисловія, ученіе о Богѣ, о спасеніи, о молитвѣ и т. д.,—все это, какъ ясно видно изъ собранныхъ въ книгѣ изрѣченій, было—хотя въ болѣе или менѣе смутной формѣ—уже и въ языческомъ сознаніи, очевидно являясь выраженіемъ естественныхъ задатковъ человѣческаго духа Какъ дополненіе къ сборнику Шнейдера, можетъ быть отмѣчена еще слѣдующая книга: *Louis Ménard: De la morale avant les philosophes. Paris 1860.*

Замѣчается въ новѣйшихъ теченіяхъ философско-богословской литературы по вопросамъ нравственности еще и другая односторонность, кромѣ только-что отмѣченной (кромѣ отрицанія врожденныхъ началъ нравственности),—это *разрывъ нравственнаго сознанія съ религіознымъ*. Отзвуки какъ называемой *автономной нравственности*, столь популярной теперь на Западѣ, слышутся и у насъ. А между тѣмъ вся эта теорія автономной нравственности, по нашему мнѣнію, основывается просто на просто на недоразумѣніи, на ошибкѣ и при томъ довольно грубой. Говорятъ: не религія опредѣляетъ нравственность, но наоборотъ нравственное сознаніе опредѣляетъ религію—высокое повышаетъ и характеръ религіозныхъ представленій, низкое понижаетъ; бываютъ-де и между невѣрующими люди нравственные и т. д. Все это несомнѣнно: „каковъ человѣкъ, такова и его религія“ (см. ниже). Но, во-первыхъ, именно только *его* религія, то-есть естественная, языческая: одно изъ отличій языческаго религіознаго сознанія именно въ томъ и состоитъ, что оно, его уровень—сравнительная высота—опредѣляется *снизу*, самимъ человѣкомъ (отчасти, но крайней мѣрѣ); откровенная-же религія опредѣляетъ человѣка, его жизнь и сознаніе, между прочимъ и нравственное,—*сверху*, всегда оставаясь на своей, богоустановленной высотѣ и отнюдь не понижаясь вслѣдъ за пониженіемъ сознанія и жизни отдѣльныхъ людей и даже народовъ. Во вторыхъ,—и это главное съ принципиально-методологической точки зрѣнія,—принципиально-философскій вопросъ, каковъ нашъ

вопросъ,—то-есть вопросъ о нормальномъ отношеніи вѣры и нравственности,—и рѣшаемъ долженъ быть не на основаніи случайно-конкретныхъ фактовъ, но на основаніи идеально-нормальныхъ отношеній между элементами и стихіями нашего духа (то-есть именно съ точки зрѣнія „постулятивной всеобщности“). Если-же мы переставимъ вопросъ на эту почву, то—какъ это и разъясняется въ § VII—для нравственности мы можемъ указать основаніе и норму лишь въ религиозной вѣрѣ. Безъ этой неподвижной основы нравственное сознаніе неизбѣжно должно оказаться измѣнчивымъ и условнымъ. Одинъ изъ защитниковъ (впрочемъ, не очень рѣшительныхъ) „независимой морали“, г. Вл Соловьевъ въ своей, цитированной уже нами книгѣ: *Оправданіе добра*, между прочимъ, пишетъ (стр. 346) „Когда намъ указываютъ на религію, какъ на нравственную основу общества, то нужно еще посмотрѣть, имѣетъ ли сама эта религія нравственную основу, согласна-ли она съ нравственнымъ началомъ; слѣдовательно, послѣднимъ основаніемъ и критеріемъ остается это начало, а не религія, какъ такая“. На это разсужденіе мы отвѣтимъ вопросомъ: само нравственное начало, долженствующее служить основаніемъ и критеріемъ религіи,—чѣмъ оно завѣряется со стороны своей истинности? Здѣсь получается кругъ, изъ котораго выходъ только одинъ: разъ даны—въ естественныхъ (постулятивно-всеобщихъ) задаткахъ нашего духа и откровенной религіи—начала истинной религіи (какъ это и есть въ дѣйствительности), на ней, и только на ней, должна быть обосновываема и истинная нравственность.—О связи нравственности съ религіею,—въ смыслѣ зависимости первой отъ послѣдней, а не наоборотъ, какъ, наприм, въ новокантанствѣ,—см.: 1) *Otto Pfleiderer: Moral und Religion nach ihrem gegenseitigen Verhältniss, geschichtlich und philosophisch erörtert*, Lpz. 1872; 2) *А. О. Гусевъ: религія, какъ основа нравственности* (первонач. въ *Прав. Обзорѣннн*) Опытъ установки понятія нравственнаго закона на почвѣ религиознаго сознанія — единственный достойный упоминанія научно-методическій опытъ во всей русской литературѣ—данъ у Протоіеря (нынѣ Протопресвитера) *І. Л. Янгицева*, въ его книгѣ: „Православно-христіанское ученіе о нравственности, лекціи, читанныя студентамъ С.-Петербургской дух. академіи“. М. 1887 (первоначально въ *Прав. Обзор*), стр. 45 слѣд.

Къ § IX.—Чувству справедливо придается центральное значеніе въ религиозной жизни, какъ и во всей вообще Но этотъ взглядъ иногда и даже часто доводится до крайности (такъ, наприм, даже такой уравновѣщенный мыслитель, какъ *Teichmüller*— см его: *Religionsphilosophie*. Breslau, 1886, Ss. 26—47, 59—67—дѣлаетъ попытку свести всѣ душевные процессы къ чувству, точно такъ же какъ психологи волюнтаристы всѣ духовные процессы сводятъ къ волѣ, а интеллектуалисты къ уму) Вслѣдствіе этого замѣчается иногда и обратная крайность — попытка отнять у чувства всякое значеніе (см., наприм, брошюру: *Kein besonderes Gefühlsvermögen*, einige Kapitel aus der pädagogischen Psychologie von einem practischen Schulmann, Kempten, 1895—изъ серіи *Pädagogische Vorträge und Abhandlungen*, herausg von *Pöttch*) Наша точка зрѣнія есть точка зрѣнія такъ называемаго *психического спектра* (терминъ принадлежитъ извѣстному *Льюису*, объясненіе этого термина въ примѣненіи къ одному

изъ вопросовъ гносеологін—къ ученію о законѣ причинности—см въ нашемъ изслѣдованіи: *Законъ причинности*)

Къ литературѣ вопроса:

1. *Юржевичъ*: Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка, по ученію Слова Божія, *Труды Кіевской Духовной Академіи*. 1860 Ч. I, стр. 62—118. Замѣчательная монографія, какъ по полнотѣ собранныхъ свидѣтельствъ, такъ и по серьезной выдержанности взгляда—строго-библейскаго, съ одной стороны, и глубоко-философскаго, съ другой

2. *О вѣрѣ сердца*, слово на новый годъ высокопреосв. *Амвросія*, архіеп Харьковскаго и Ахтырскаго *Вѣра и Разумъ*, 1888. Слово богато научно-психологическими элементами.

3. *Das Herz* von Prof. *Lazarus* (въ его *Ideale Fragen in Reden und Vorträgen*, Lpz. 3-te Auflage, 1885, Ss. 43—177).

4. *Alf. Lehmann*: Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, übers (съ датскаго) von *Bendixen*. Lpz. 1892. Къ сожалѣнію, вопросу о спеціально-религіозныхъ чувствованіяхъ здѣсь удѣлено *всего лишь три страницы* (353—355)—изъ 356!!

5. *Theobald Ziegler*: Das Gefühl, eine psychologische Untersuchung, 2-te Auflage, Stuttgart, 1893, Ss. 328. О религіозныхъ чувствованіяхъ довольно подробно и обстоятельно (182—192). Ср. того же автора. *Religion und Religionen* 1893

Чувство—разъясняли мы (въ текстѣ) — требуетъ жизни истинной и, потому, находить въ религіи, между прочимъ, и залогъ *вѣчной жизни*. Вотъ почему нѣкоторые мыслители самую сущность религіи видятъ въ стремленіи къ вѣчной жизни. См., напр., брошюру Prof. *Alfred'a Weber'a* Die Religion, als Wille zum ewigen Leben Strassburg. 1888. Ss. X+45.

Къ § X.—Мысль, заложенная въ основу нашего рѣшенія вопроса о *сужденіяхъ цѣнности* (Werthurtheile), въ ихъ отношеніи къ вѣрѣ, состоитъ въ томъ, что чувствованія, являясь „*помѣткою*“ отношенія къ намъ какого-либо предмета и его значенія для нашей внутренней жизни, тѣмъ самымъ и чрезъ то самое выражаютъ его (предмета) *внутреннюю природу*, а слѣдовательно и—*объективную цѣнность* (которою, въ концѣ концовъ, опредѣляется и его *цѣнность субъективная*—цѣнность по значенію для насъ, для нашей внутренней жизни). Божество, *соприкасаясь* съ человѣческимъ духомъ и вступая въ его жизнь, заявляетъ Себя и познается человѣкомъ, какъ *высочайшая духовная гармоничность и красота*, какъ *жизнь истинная*, самоблаженная и самодовлѣющая, почему чувствованіе жизни божественной и является глубочайшимъ основаніемъ и масштабомъ всѣхъ чувствованій оцѣнки. Для дополненія нашего взгляда могутъ быть рекомендованы:

1. *Carblom*: Das Gefühl in seiner Bedeutung für den Glauben, im Gegensatz zu dem Intellectualismus innerhalb der kirchlichen Theologie unserer Zeit, Berlin. 1857. IX+188. Основное понятіе автора есть понятіе *Rührung*, (соприкосновенія съ Божествомъ), которое разрѣшаетъ мучительное субъективное *Spannung* (напряженіе, обусловленное чувствомъ недостатка, неполноты, связанности и, потому,—исканіемъ свободы, полноты и т. д.) Резюмируя свой взглядъ по занимающему насъ вопросу авторъ различаетъ слѣдующіе моменты психическаго процесса: 1) *psychische Spannung*,

то-есть состояніе напряженности, нерѣшительности, смущенія и колебанія, производимое противорѣчіемъ дѣйствительности,—множественной въ своихъ обнаруженіяхъ и намъ, повидимому, чуждой,—съ нашимъ я, съ его внутреннею жизнью; 2) *чувствованіе неудовольствія*, производимое темнотою и непроницаемостію для насъ предметной дѣйствительности, ея кажущимся безсмысліемъ; 3) *догадка*, что дѣйствительное полно для насъ противорѣчій и чуждо намъ исключительно по субъективнымъ причинамъ. такъ какъ само по себѣ, какъ выраженіе творческой мысли, оно должно быть и внутренне-разумно и близко намъ; 4) *разрѣшеніе субъективной неудовлетворенности* чрезъ откровеніе предмета нашему духу, въ его существѣ и внутреннемъ смыслѣ. 5) соприкосновеніе — *die Rührung* — возжигающее въ субъектѣ свѣтъ откровенія объективности, *Rührung*, какъ *das Phänomen der formellen und reellen Lösung dieser Spannung* и, наконецъ, 6) *die logische Evidenz*, какъ завершеніе и раскрытіе смысла, заключеннаго въ темномъ сначала чувствованіи соприкосновенія съ дѣйствительностію. Ss. 60—1. Ср. всю вообще главу: *Das objective Gefühl als Rührung* (S. 38 folg.). Въ смыслѣ именно этой, только-что изложенной, психологической теоріи, развитъ Карльбломъ и его взглядъ на чувствованія специально-религіозныя.

2. Dr. Emil Koch (Die Psychol. in der Religionswiss., Kap. V, § 2: *Werturteil und Seinsurteil*) такъ-же ставитъ сужденія оцѣнки въ зависимость отъ постиженія существа предмета *въ его дѣйстви на насъ или отношеніи къ намъ*, къ нашему внутреннему міру (для матери, наприм., гардеробъ умершаго ребенка имѣетъ громадную цѣнность, потому что онъ тѣсно связанъ, какъ напоминаніе о дорогомъ существѣ, со всею ея ивтимнѣйшею жизнью). Въ религіи слѣдуетъ различать три момента: 1) религіозное *Etwas* (=Безконечное); 2) оцѣнивающее представленіе—*die wertende Vorstellung* (напр.: „Безконечное возвышенно“, „Богъ есть „любовь“, „Христосъ есть Искупитель, Владыка міра“); 3) *чувствованіе удовлетворенія* (у Коха грубѣе—*удовольствія*) въ его различныхъ тонахъ и краскахъ: любовь, благодарность, или-же—страхъ и т. д. Это и есть, по Коху, то, что называютъ *религіознымъ опытомъ*. Ss. 135—7.

3. Проф. Н. Я. Гротъ: „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. М. 1889. Эта маленькая брошюра (42 стр.) хорошо выясняетъ *объективно-познавательный* моментъ въ чувствованіяхъ. Чувствованія открываютъ намъ внутреннюю, субъективную сторону вещей, степень присутствующей ихъ внутренней природѣ гармоніи или дисгармоніи (3), почему отъ нихъ именно, отъ ихъ развитія и ясности зависитъ наша *оцѣнка бытія*—„знаніе истинной внутренней цѣны и значенія вещей и всего міра“ (11). Познаніе чувствомъ *интуитивное или ирраціональное*—авторъ называетъ *постиженіемъ*, въ противоположность познанію *раціональному*, которое мы называемъ *пониманіемъ* (25). „Ирраціональное познаніе выражается всего лучше понятіями *мистическаго, религіознаго* постиженія дѣйствительности; его отличительныя особенности выражаются въ понятіи *вѣры*, которая всегда допсняетъ и завершаетъ знаніе“ (28)

Развитая нами теорія сужденій оцѣнки направлена противъ двухъ крайностей: эмоціональнаго *онтологизма* и эмоц *субъективизма*. Теорія онтологизма, есть въ настоящее время весьма непопулярная теорія (см

о немъ—его формы и критика—въ нашей книгѣ: *Въра въ Бога* etc, Отд III, гл. 1). Напротивъ, эмоциональный субъективизмъ до самаго послѣдняго времени стойко держится въ философско-богословской литературѣ. См. объ немъ: 1) Eine Bedeutung der Werturteile für das religiöse Erkennen, von Max Scheibe, Halle. 1893; 2) Ueber Werthurtheile von Otto Ritschl. Lpz. 1895; 3) A. Ritschl's philosophische und theologische Ansichten von O. Flügel, 3-te Auflage. Langensalza. 1895.—Зерно теоріи Ричля изложено въ нашей книгѣ: *Въра въ Бога*, etc, стр 358—360.

Устраняя крайности, предложенная нами теорія сужденій оцѣнки, кромѣ прямыхъ данныхъ, находитъ оправданіе и въ согласіи съ началами церковно-библейской психологіи. Именно *вкушеніе духовной красоты Божества* является, съ церковно-библейской точки зрѣнія, основаніемъ и критеріемъ всякой истинной оцѣнки. „Господь“,—говорить, наприм, св. *Василій Великій* (Ч. II, 192—3),—„есть какъ свѣтъ, такъ и сладость для разумно вкушающихъ Его и доставляетъ имъ сладостное и исполненное великаго веселія наслажденіе Посему вкушившій Его и опытно извѣдавшій сладчайшее и пріятнѣйшее наслажденіе говорить: *вкусите и увидите, яко благъ Господь*. Итакъ, кто не вѣруетъ въ Господа, тотъ не близокъ къ природѣ истинной Красоты и не пускается въ умозрѣніе о Ней. Ибо не въ стройности членовъ и не въ благообразной доброцвѣтности, чрезъ что-либо пріятное для тѣлеснаго чувства, но единою мыслію, до преизбытка очищенною, и только въ Божіемъ естествѣ познается собственно прекрасное, согласно съ псалмомъ, въ которомъ сказано: *красотою твоею и добротою твоею*. Посему, кто окомъ своимъ не пріемлетъ молніеносныхъ блистаній Божіей красоты, тотъ глаголетъ доброе лукавое, а тѣмъ самымъ, что отрицаетъ сіе, очевиднымъ образомъ соглашается на противное Ибо если Господь есть свѣтъ, то противникъ, очевидно, тьма. Если природа истины сладостна, то ложь, очевидно, горька. „Понятіе *вкушенія* (Genuss), въ примѣненіи къ религиозному познанію и религиозной жизни, развито у *Форбродта* (Vorbrödt, Op. cit., S 50 и др). Актъ „*вкушенія*“ по Форбродту, составляетъ въ религиозной жизни основу всѣхъ функций: и религиозной мысли (опытъ), и рел волн, и рел чувства.

Къ § XI.—Объ отношеніи между вѣрою и чувствомъ см. принципиально-ясную главу (V, 2) въ замѣчательномъ сочиненіи *Иерусалема—Wilhelm Jerusalem: Die Urtheilsfunction, eine psychologische und erkenntnistheoretische Untersuchung* Wien und Lpz 1895. Много цѣнныхъ замѣчаній высказано такъ-же въ книгѣ *Пейо*: „О вѣрованіи“ (стр 124—128). „Окончательному сформированію идеи“—пишетъ здѣсь, между прочимъ, *Пейо*—„предшествуетъ періодъ выработки Пользуясь свободой выбирать себѣ точку зрѣнія, мы естественно склонны останавливаться на той, которая намъ *нравится*. Слѣдовательно, во время образованія нашихъ идей, *мы становимся жертвой тайной изворотливости чувства* Искаженіе довольно простыхъ воспріятій ненавистью, ревностью, любовью, материяскимъ чувствомъ есть только крайнее проявленіе того, что происходитъ почти всегда Если-же, такимъ образомъ, наши идеи, въ процессѣ ихъ выработки, испытываютъ вліяніе аффективныхъ состояній, то и соединеніе ихъ въ сужденія, въ предметы вѣрованій, подвергается тому-же вліянію Чтобы составить сужденіе, нужно собрать мотивы, заставляющіе вѣрить

или не вѣрить, и оцѣнить ихъ, взвѣсить какъ можно точнѣе...—О стремленіи къ формированію человѣкомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій сообразно съ жизнью, по принципу: „подобное подобнымъ“, см нашу диссертацию: *Вѣра въ Бога etc.*, стр 426—7, примѣч.

Къ § XII.—Курсы психологии и психологическія изслѣдованія съ преобладающимъ богословско-умозрительнымъ характеромъ, — каковы, наприм, изслѣдованія: *Физіе Младшаго* (Psychologie, Лpz. 1864), *Ульрици*, Прогаер — проф. *Голубинскаго*, Архим *Феофана Авсенева* (см Сборникъ изъ лекцій профессоръ Кіевской дух академіи, Кіевъ, 1869), — признаютъ въ самой субстанціи человѣка нѣчто *божественно-сверхъестественное и богоподобное* (душа человѣка или, точнѣе, его духъ опредѣляется, какъ „образъ Божій“, какъ „живая связь твари съ Творцомъ“ и т д) и, потому, они не имѣютъ нужды признавать, для объясненія религіи и религіозной вѣры, какой-либо особенный, специфически-религіозный органъ. Напротивъ, мыслители, понимающіе душевную субстанцію въ смыслъ господствующаго опредѣленія („принципъ единства во множествѣ психическихъ явленій“ и т д), вынуждены, для объясненія религіозной жизни, признавать *особый органъ*, чрезъ который въ существенно-нерелигіозную субстанцію входило-бы *новое*, какъ-бы придаточное начало жизни религіозной. Этимъ, между прочимъ, объясняется особенно настойчивое указаніе на этотъ особый органъ именно въ послѣднее время: имъ, этимъ указаніемъ, дѣлалась какъ-бы поправка къ очевидно-одностороннему пониманію души человѣка въ новѣйшей эмпирической психологіи (уравнивающей человѣка съ животными). Нужна, однако, не эта, искусственно-измышленная добавка къ душѣ человѣка, — сомнительная и бесплодная уже вслѣдствіе самой своей искусственности, — но радикальное преобразование самаго понятія о субстанціи въ смыслъ *гемерического* отличія души человѣка отъ души животныхъ свойствомъ ея существеннаго богоподобія. Тогда ученіе объ „особомъ органѣ“, — довольно популярное въ настоящее время у нѣкоторыхъ теологизирующихъ психологовъ (см *Alphonse Gilardin: Considérations sur les divers systèmes de psychologie. Paris, 1883, 2-me partie, Chap IV. Le sens divin, double source de la sensibilité*), — падетъ само собою, такъ сказать просто *за излишествомъ* — Въ дополненіе къ соображеніямъ, высказаннымъ нами *противъ* особаго религіознаго „органа“ (здѣсь и раньше — см диссерт *Вѣра въ Бога*, стр 399 и слѣд.), считаемъ нелишнимъ сдѣлать извлеченіе изъ указанной уже нами книги проф. *Линицкаго* (Пособіе къ изученію вопросовъ философіи, стр 68—9), разъясняющее другую и при томъ очень важную сторону вопроса:

„Есть“ — пишетъ почтенный профессоръ — „духовныя существа, и не просто духовныя, а чистые духи. Такія существа, особенно-же Богъ, какъ духъ высочайшій, не дѣйствуютъ-ли на нашъ умъ и не слѣдуетъ-ли изъяснять посредствомъ этихъ предполагаемыхъ дѣйствій происхожденіе идеи о Богѣ, какъ существѣ высочайшемъ? Допустимъ, что такого рода дѣйствіе со стороны Бога на нашъ умъ, т. е. служащее условіемъ познаваемости для насъ Бога, происходитъ дѣйствительно. Очевидно, однако, что дѣйствіе это невозможно сравнить съ дѣйствіемъ чувственныхъ предметовъ на наши чувства. Какъ бытіе этихъ предметовъ,

такъ и ихъ дѣйствованіе не свободно, а необходимо; поэтому, будучи постоянно окружены чувственными предметами, мы непрерывно и невольно испытываемъ ихъ дѣйствія на наши чувства, и дѣйствія эти, какъ необходимыя, всегда притомъ происходятъ одинаковымъ образомъ: отсюда то и убѣжденіе наше въ существованіи вещей непреодолимо. Дѣйствіе же Божіе на нашъ умъ, если предположить, что оно происходитъ, могло бы быть только свободнымъ, а слѣдовательно нельзя представлять его какъ непрерывное и необходимое, невольно каждымъ воспринимаемое. А потому и источникомъ обычной познавательной дѣятельности ума непосредственное дѣйствіе Божіе на духъ человѣка быть не можетъ: какъ свободное, такое дѣйствіе всякій разъ должно имѣть особую цѣль, опредѣленную конечно самимъ Богомъ, т. е. дѣйствіе Божіе на духъ человѣка можетъ быть только необычнымъ, чрезвычайнымъ, потому и называется такое дѣйствіе *откровеніемъ*; какъ дѣйствіе свободное, оно можетъ состоять лишь въ сообщеніи человѣку воли Божіей. Откровеніе не можетъ имѣть цѣлью сообщеніе человѣку знанія; оно имѣетъ всегда цѣль болѣе широкую, объемлющую всю духовную жизнь человѣка: почему истины, сообщаемыя черезъ откровеніе въ собственномъ смыслѣ, по справедливости называются *спасительными*, ихъ отличіе отъ всякихъ иныхъ истинъ состоитъ въ томъ, что онѣ оказываютъ дѣйствіе, если только усвоятся должнымъ образомъ, на всю нравственную жизнь человѣка, преобразуя оную и направляя къ высшимъ цѣлямъ ею предназначеннымъ. Между тѣмъ, говоря объ умозрѣніи, мы можемъ разумѣть въ настоящемъ случаѣ не чрезвычайный способъ сообщенія человѣку необходимыхъ для него истинъ, а обычный и всегдашній, всѣмъ людямъ болѣе или менѣе свойственный образъ дѣйствованія нашего ума. Только пантеистическое понятіе о Богѣ, какъ всеобщей сущности, все собою объемлющей, приводитъ неминуемо къ тому представленію, что дѣйствіе на насъ существа Божія непрерывно и необходимо. "

Къ вопросу о взаимоотношеніи въ рел. вѣрѣ началъ Божескаго и человѣческаго могутъ быть еще отмѣчены:

1 *Gratry: De la connaissance* (t. II, 2-me partie—*les deux degres de l'intelligible divin*)

2 *Malan: La foi* (Revue de theologie et de philosophie, 1890, p. 49 et suiv.)

Вопросу о реальности внѣшняго міра, имѣющаго, какъ мы сказали, большое методологическое значеніе для вопроса о доказательствахъ бытія Божія, мы намѣрены посвятить специальную монографію

А. В.